

16+

Александр Малетов
[ГЛУБИНА]

Александр Малетов

Глубина

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Малетов А. А.

Глубина / А. А. Малетов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта история об одном автономном плавании на атомном ракетном подводном крейсере. О том, как на глубине обнажаются мысли и чувства, как на глубине больше шансов остаться с самим собой наедине. О каких-то 75 днях, которые так быстро пролетают в нашей обычной жизни и так долго тянутся в замкнутом пространстве под водой.

Содержание

Минус 1 день	5
День 1	8
День 2	12
День 7	16
День 10	19
День 13	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Малетов

Глубина

Минус 1 день

Заполярье. Кольский полуостров. Суровый край, где мшистые спины сопок видны от горизонта до горизонта, где полярный день сменяет полярную ночь, словно кто-то балуется светом, то он есть, то его нет, где холодное море облизывает потрёпанные края полуострова, не замерзая зимой. Здесь постоянно дуют ветра и кричат чайки. Деревья здесь не тянутся кронами вверх, они стараются крепче держаться за скалы, за тонкий слой почвы на этих скалах. Людей здесь живёт не очень много. Они похожи на северные карликовые деревья – держатся изо всех сил, не выпуская из рук Кольскую землю. Мне кажется, что из-за постоянного холода мы все выглядим моложе, чем есть на самом деле, наши тела находятся в консервации, ждут, когда их достанут и употребят по назначению. Внутри людей Заполярья таится невероятная сила, потому что иначе в таких условиях было бы невозможно жить.

Я живу в небольшом городе под названием Снежногорск. В отличие от центральной части России здесь многие города имеют названия, которые составлены из двух слов, одно из которых обозначает то ли город, то ли горы – Горск. Хотя высоких гор у нас нет, максимум что-то немногим больше километра в высоту. Служу я в городе с названием Гаджиево. Таких названий по всей России достаточно – в честь каких-то выдающихся людей. Гаджиево – в честь героя Великой Отечественной войны. Эти маленькие города с населением немногим больше 10 тысяч людей, затеряны на побережье Кольского залива, среди похожих друг на друга сопков, в 70 километрах от Мурманска, а некоторые намного дальше.

На улице лето. Сегодня один из тех редких дней, когда небо не занавешено облаками, солнце не спрятано за плотным серым тюлем, можно даже ходить без куртки. На часах уже 2:30. Солнце близко к горизонту, кажется, что вот-вот и зайдёт за него, будто говорит: «Ну, всё, я ухожу!» нарочито громко, чтобы привлечь максимум внимания окружающих. В итоге солнце никуда не уйдёт, потому что летом в Заполярье царствует полярный день.

Я стою на одном из пирсов базы подводных лодок в городе Гаджиево. Рядом с этим пирсом покоится огромный чёрный и горбатый дельфин. Дельфином эту подводную лодку классифицировали в зарубежной коалиции. Сходство есть реальное – в северных морях обитают чёрные дельфины, можно увидеть их мелькающие спины на поверхности холодного моря. У нашей подводной лодки горбатая спина похожа на спину дельфина.

Я уже 6 лет служу где-то внутри этого чёрного исполина. Если посмотреть на него снаружи, то достаточно сложно представить, что где-то внутри находятся больше 100 человек экипажа, что-то крутят-винтят, живут, думают, размышляют, раздают приказы, подчиняются приказаниям, получают телеграммы, отрабатывают учения. И всё это происходит под бесшумными лампами дневного освещения. Рядом с подводной лодкой ощущаешь себя не причастным к жизни внутри, словно у тебя какое-то психическое расстройство, раздвоение личности. Под чёрным обрешеченным корпусом жужжит и гудит мало кому известная и понятная жизнь.

Кольский полуостров вообще интересный уголок нашей необъятной Родины. Например, здесь находится самая глубокая в мире скважина, глубиной более 12 километров. Сейчас она не функционирует, но мне рассказывали, что место это обросло слухами и легендами ещё в Советском Союзе. Самая известная – о криках из ада, которые якобы слышны после отметки в 12 километров, а связывали это всё с тем, что начало положено 13 километру, дальше именно поэтому не смогли продвинуться в бурении. Что может быть на такой глубине на самом деле?

Ведь Заполярье – край вечной мерзлоты, где ничего нельзя посадить из каких-нибудь сельскохозяйственных культур, потому что на глубине нескольких метров от поверхности земли начинается ледник, который явно не способствует плодородию. Вся жизнь за Полярным кругом распластана тонким слоем на земле, небольшими очагами в виде городов и посёлков. Самый большой в мире в город за полярным кругом – это Мурманск. И россыпь закрытых военных городков, потерянных в разных точках побережья.

Мне предстоит завтра нырнуть внутри этого чёрного дельфина под воду, глубина погружения не будет превышать и 300 метров, нам не тягаться с Кольской сверхглубокой скважиной. Сегодня же можно насладиться редким солнечным днём, а точнее – редкой солнечной ночью, безоблачной ночью. Вокруг тишина, только гудит внутри горбатого дельфина вентиляция, вырываясь наружу через верхний рубочный люк. Под водой будет тише. Это сейчас вокруг так много пространства, так много тишины ночью, так много звуков днём. Внутри прочного корпуса всё сжимается – и человек, и жизнь, и звуки. Даже мысли сжимаются, превращаясь в какой-то трудно усваиваемый концентрат. Под водой не будет слышно никаких голосов и звуков снаружи, никаких криков из ада, никаких шёпотов рыб. Что-то вне корпуса будут слышать только акустики, да только большим разнообразием звуков вряд ли смогут похвастаться.

У каждого пирса находится здание, в котором осуществляется контроль – в том числе радиационный. Просто так пройти на пирс не получится, нужно иметь электронный пропуск, причём на конкретный пирс. Это здание всегда называют по аббревиатуре – ПРК, что означает «ПротивоРадиационный Контроль». Проход там осуществляется строго по 1 человеку. С собой нельзя проносить всякие электронные устройства без должного учёта. В одно время у меня был чехол на телефоне в виде старой аудиокассеты. Я проходил ПРК и выложил телефон и ключи, чтобы пройти через рамку металлоискателя, причём телефон положил чехлом вверх.

– Это что за кассета? – раздался строгий голос женщины с поста охраны.

– Какая кассета? – я даже опешил.

– Положили вместе с ключами, – я увидел, что она, не моргая смотрит на мой телефон.

– А! Это не кассета, это телефон, – я поднял телефон и повернул его экраном к этой женщине.

– Проходите, – она разблокировала дверь на выход.

Вот ведь странно – телефон пронести возможно, а вот аудиокассету нужно объяснить, обосновать, согласовать. А что с ней можно сделать? Даже послушать негде, не на чем, а уж тем более как-то применить в ущерб военной тайне. На телефон гораздо проще что-то записать. Абсурдная ситуация.

Ночью база пустеет по понятным причинам, мне нравится подниматься из недр подводной лодки – на нашем языке говорится просто «подняться наверх» – посмотреть на море, бухту, острова в этой бухте, чаек, которые спят на островах, пустую дорогу вдоль всего побережья, штабы и казармы вдалеке, на самом краю бухты, портрет Ленина из гранита на скале у выхода из бухты, кусочек посёлка, который на самом деле является городом. Ночью можно не спеша всё обвести взглядом, рассмотреть. В обычные дни всё время куда-то или спешишь, или постоянно находишься внутри подводной лодки.

День накануне выхода в море похож на момент переезда – внутри какое-то волнение, переживание, предвкушение следующего действия. А следующий шаг – это глубина, толщина воды над головой, плеск волн, гудение приборов, голоса, колеблющиеся мембраны динамиков громкоговорящей связи в отсеках подводной лодки. Глубина и замкнутое пространство, которое никак не раздвинуть, не расширить, не отодвинуть. Словно ты спишь в кровати не по росту, ноги упираются в спинку кровати, но сдвинуть её не могут, потому что некуда. Вот и мы загрузим себя в эти отсеки, пригнём головы, ссутулим плечи, прикроем свои мысли, и вперёд – 75 суток автономного плавания без перерывов и выходных.

Я стоял и курил уже, наверное, третью сигарету, словно пытался накуриться впрок. Но наперёд ты никак не накуришься – станет плохо, но через какое-то время снова потянет курить. Так и с тишиной вокруг, с простором, солнцем, которое прилегло на очертания сопки перед очередным кругом над горизонтом, посёлком, украдкой подглядывающим за нами из-за угла, чайками, кружащими над спинами горбатых дельфинов. Всем этим не насладишься впрок – через несколько дней будет не хватать. Такие простые вещи, обыденные, не заметные глазу, а ведь так будем скучать всего лишь через несколько дней.

Я хотел бы спуститься в Кольскую сверхглубокую и посмотреть, каково это окажется на десятке километров под землёй, обязательно прислушался бы на 12 километре. Затаился бы на этой глубине, выключил освещение и слушал всё вокруг, задержав дыхание. Может быть, мне тоже бы почудились крики и стоны из ада, нарисованного воображением. Может быть, я бы услышал, как скребутся монстры своими демоническими когтями по земле. Может быть, я почувствовал бы присутствие чего-то потустороннего. Всё это может быть.

Но на самом деле на глубине я смогу услышать себя.

На 12 километрах или 150 метрах – не важно.

Наша жизнь может измениться, если мы услышим предполагаемые крики из ада или предполагаемых монстров.

Жизнь точно изменится, если мы сможем услышать себя.

На часах 03:10, заступать в свою смену в 06:00, нужно поспать хотя бы пару часов. Спускаюсь вниз по трапу, мельком вижу центральный пост, в котором сидит помощник дежурного и вахтенный, оба с красными глазами, ныряю в следующий отсек, наш родной, ракетный, иду мимо шахт, которые похожи на стволы тысячелетних дубов, ныряю в следующий отсек, тоже ракетный, тоже со стволами. Эти стволы в обхвате несколько метров, кроны высоко, нам их не видно, корни глубоко, их тоже не видно, только ощущаем бесконечную мощь этих исполинов. В каюте темно, только горит лампочка над умывальником через шторку. Четыре из шести коек заняты. Следом за мной в каюту идёт сон, прикрывает мне глаза, игриво, надеюсь, что я его не узнаю.

Завтра начнётся автономка, которая продлится больше 2 месяцев.

Завтра мы окажемся наедине с глубиной.

Завтра начнётся наша ответственная и тяжёлая задача по охране рубежей.

Завтра.

День 1

Я никогда не задумывался о том, как выглядит со стороны это отсутствие меня на земле. Интересная формулировка? Сомнительно. А если так – я никогда не задумывался о том, как другие ощущают моё отсутствие на берегу. Ненамного лучше. В общем, впереди меня ждёт 74 дня под водой, в стальных стенах, под светом ламп дневного света, среди таких же, как я. Отсек длиной 15 метров, каюта на шестерых, где друг над другом и друг к другу, со стулом возле секретера, откуда вырывается свет, если его включить. Маленький мир, обшитый сталью, огнеупорной мебелью и надеждой на скорое возвращение домой.

Я никогда не думал, что стану моряком-подводником. В детстве, когда отец предлагал пойти в училище подводного плавания, я отчётливо понимал, что эта история не про меня, что это подобно космонавтам, так же недостижимо и высоко. Вышло только в жизни моей иначе, и сейчас я уже шестой год служу на Северном флоте, на погонах три звезды в один ряд, без просветов, мне двадцать пять лет, а в двухкомнатной квартире ждёт жена.

Я никогда не думал... Уже третье моё предложение, начинающееся с этих слов, как-то странно. Видимо, к двадцати пяти годам я стал думать, что ж, прогресс – это хорошо. Я никогда не думал, что буду женат, и меня кто-то будет ждать дома, считать дни до возвращения корабля с нашим экипажем в базу, провожать, рыдая в плечо и промачивая насквозь чёрную форменную куртку с кремовой рубашкой под ней, до самой кожи, которая покрывалась мурашками от остывших слёз. А я только повторял, как мантру, слова о том, что я недолго, что скоро вернусь, что время пролетит, она даже не заметит. Она не заметит, а для меня эти два месяца, как полгода. Я даже не знаю, каково это будет – пройти сквозь 74 дня, навывлет, как пуля в замедленной съёмке, ощущая своим сознанием и кожей каждый прожитый день.

Когда я только пришёл на флот после училища, мне было 19 лет. Военный билет я получил, когда мне было 16 лет. Как-то на медицинской комиссии вредный ЛОР-врач отвесил в мою сторону едкий вопрос:

– Это как в нашей стране могли дать в таком возрасте военный билет? – его глаза через стёкла очков метали в меня молнии, потому что он терпеть не мог мичманов.

В нашей стране вообще довольно странно относятся к профессиям уровня техникума – как будто это какие-то нелюди, ущербные личности, не способные ни на что. А попробовали бы относиться по-другому, и у нас было бы много специалистов среднего класса, а так – одни начальники, которые не знают порой, кого послать можно в известное место, потому что вокруг такие же по рангу звёзды. Вот и я не стал офицером, начальником, командиром. Потому что так в жизни сложились обстоятельства, а не потому, что половину моего мозга в детстве моль съела – в шкафу часто прятался. Уровень образования можно оценить только на практике, а не на бумаге с гербом, водяными знаками и голограммами. Хотя какие-то смешные вещи я пишу, правда?

Первый день он всегда какой-то сумбурный, суматошный, будто встряхнули заваренный чайник, а листья чая кружатся и кружатся, никак не улягутся на дно. Задраили верхний рубочный люк, глотнули на два месяца вперёд свежего воздуха, задержали его внутри прочного корпуса, и нырнули на пятьдесят метров. И больше сотни чайнок кружатся где-то внутри большого горбатого дельфина, никак не улягутся, ещё несколько дней будут плавно опускаться на дно, погружаться в однообразное расписание.

Всю свою службу я был старшиной швартовой команды, а это значит, что мы практически замыкающие в строю из жадно глотающих напоследок свежий воздух. Всегда с командиром боевой части проверяем, что все лючки задраены, чтобы они под водой не хлопали, не нарушали акустической культуры, не давали повода услышать нас разведке. Закуриваем наверху по сигарете – это особенные сигареты, потому что ближайшие два месяца мы их будем заку-

ривать в курилке, которая размером метр на метр, принимает в себя четырёх человек, сгибает пополам, запихивает дым в лёгкие, бьёт по глазам. А пока что дым просто вырывается наружу, цепляется за ветер, уносится прочь. Мы задраиваем 16 ЦГБ, проползаем до мостика.

– Давай, Саня, спускайся, – комбат пойдёт на мостик докладывать командиру. – Всё швартовое чтобы по местам было.

– Так точно, Сергей Васильевич, – я протискиваюсь в своём оранжевом жилете в люк, сползаю до конца, смотрю наверх, виднеется осколок голубого неба. До встречи, небо. Мы ненадолго.

В отсеке всё швартовое имущество убирают в дальние углы, всю верхнюю одежду убирают из шкафов кают, спускают на нижнюю палубу, прочь с глаз на эти два с лишним месяца. Похоже на момент, когда настаёт время убрать зимнюю одежду на антресоль, напихать в неё апельсиновых корок, забыть о её существовании, пока за окном весна-лето-осень. Так и мы – забываем на время о том, что над нами может быть небо, рядом с нами могут быть близкие, вокруг может не быть стальных стен. Потому что так будет легче и проще. Потому что экипаж – это другая семья.

Я скидываю всё с себя, тоже прячу по углам, иду на боевой пост по тревоге. Внутри ощущение очень похожее на то, когда садишься в поезд и он только отправляется от платформы. Ты едешь в отпуск и провожаешь взглядом уходящие прочь перрон, вокзал, людей, ларьки, деревья. И внутри ты весь в предвкушении чего-то нового, чего-то тёплого, чего-то отличного от обыденного. Вот и первый день выхода в море такой. Он неповторим.

Я никогда не думал, что смогу получить такой опыт. С самых первых дней службы я участвовал в уникальных мероприятиях – первая за двадцать с лишним лет стрельба на максимальную дальность, при том с участием президента, первая за двадцать с лишним лет залповая стрельба, несколько походов подо льды Северного Ледовитого океана, где мы настойчиво подбирались к северному полюсу, две летние автономки два года подряд, теперь первая за двадцать с лишним лет автономка продолжительностью больше семидесяти суток. Мой друг, который служит со мной в одной дивизии, в той же боевой части, только носит офицерские погоны, тихо меня ненавидит, но иногда громко, потому что я никогда не проявлял дикого желания участвовать в таких мероприятиях, но в итоге участвовал, а он с первых секунд своей потомственной жизни подводника мечтал о таких событиях, а попадал в «стоячие» экипажи. Жизнь – странная штука.

Сумбур, сумбур, один сумбур! Мы задержали дыхание на целых 75 суток. Мы притаимся в этих днях. Мы будем ждать. А может и не будем. Многие готовят самодельные календари, которые вешают либо над койкой, либо на боевом посту. Многие приготовились зачёркивать прошедшие дни, а всё только начинается, поэтому календари чисты, смотрят своими пустыми клеточками в глаза подводника, и ждут, когда потечёт прочь время, когда ручки-карандаши будут скрипеть, вырисовывая две коротких пересекающихся линии. Этот день закончится первым крестиком, сумбур уляжется, распишут по столам весь экипаж в столовой, вывешат меню на неделю, расписание мероприятий тоже вывешат, нарисуют колею, по которой все эти дни не спеша проедут.

Мой боевой пост находится в четвёртом отсеке, в выгородке. Здесь я проведу много времени – 2 вахты в сутки по 4 часа, а жизнь пройдёт в соседнем пятом отсеке, где будут проходить все противоаварийные осмотры, тревоги, всякие другие мероприятия и сон в каюте. Сейчас в отсеке тишина, только командир отсека с кем-то разговаривает. Может и сам с собой.

– Андрей Андреевич, приготовился к боевой? – я его ещё не увидел, слова пошли впереди.

– Конечно, Сан Саныч, – он выключил связь с пультом на нижней палубе. – Только в этот раз взял электронную книгу.

– И я тоже, – я подошёл к посту командира отсека. – Надо будет оперативнику отнести, чтобы потом не было неприятно, вроде не особо лютуют по поводу книг.

Я раньше с собой брал достаточно большое количество бумажных книг, которые убирал под койку, и они занимали треть свободного места, не всегда это было удобно. Теперь решил взять такое же количество, но в электронной версии, чтобы сэкономить место. Только теперь нужно, чтобы оперативный сотрудник ФСБ допустил к использованию.

И опять внутри такое тёплое чувство, будто в ненастную погоду за окном кутаешься в плед, смотря, как бушует непогода, берёшь интересную книгу и под звуки за окном погружаешься в чтение. И мы погрузились, и снаружи вода, внутри тепло и светят лампы, и будет время, чтобы многое прочесть, многое понять, что-то не понять, поделиться и обсудить. В базу вернёмся другими людьми, но никто этого не заметит, кроме нас.

– Ништяки тоже на борту, Андрюх?

– Конечно, всё в сейфе, как полагается, – командир отсека отвлёкся на доклад в центральный пост.

– Вот и я туда же, на все долгие 2,5 месяца.

Мы загрузили перед выходом на боевую службу провизионные камеры под завязку. Большую часть составляют консервированные продукты и спиртовой хлеб, потому что никакие свежие продукты не проживут 2,5 месяца даже в холодильнике, если только они не напичканы химикатами. Поэтому загружаются большие трёхлитровые жестяные консервные банки с овощами, консервные банки поменьше с рыбой и мясом, большое количество сырокопчёной колбасы, сыр тоже в консервных банках, обязательно сгущённое молоко, всякие там крупы и макароны. Ещё берём свежее мясо – полутушами, свежие овощи и фрукты в этот поход тоже взяли, но покупали их за свои деньги, кроме картошки, капусты, свёклы, моркови и лука. Ко всему этому большое количество сушек и галет – они вообще бессмертные. Вяленая вобла и тёмный шоколад – положены по нормам питания каждый день, но их выдадут, когда вернёмся в базу, каждому члену экипажа за все дни боевого похода. Никогда не заморачивались с выдачей каждый день, потому что норма на человека достаточно маленькая, чтобы каждый день её отмерять, проще выдать уже по окончании. Конечно же, вино и красная рыба с красной икрой. В этот раз вино в двадцатилитровых пластиковых канистрах – точно не элитное французское, и даже не Абрау-Дюрсо. Красная рыба просоленная, красная икра закатана в консервные банки. Вино положено каждый день, на ужин, вроде бы что-то около 50 граммов на человека. Красная икра и рыба тоже положены каждый день, будут дожидаться нас на ужин на тарелках. Вино будут разбавлять водой, потому что коки будут точно подпивать или подсливать кому-то. В этом походе вино я пить точно не буду, потому что эта неизвестная тёмно-бардовая жидкость в самую распоследнюю очередь похожа на вино и вряд ли как-то помогает организму. Уж лучше тогда спирта, он же «шило», выпить, лучше будет.

В первые годы службы я ещё застал сублимированную клубнику в больших жестяных банках, крутая вещь хочу я вам доложить. Кладёшь на язык лёгкую ягоду, лишённую воды, она начинает в себя впитывать влагу, разбухать на языке, превращаясь почти в настоящую, будто только с грядки. И кислая до невозможности, что челюсть сводит. Сейчас уже такую не производят, наверное, а если и производят, то на подводные лодки не выдают.

Спиртовой хлеб размещают на чердаках в наших ракетных отсеках, в четвёртом и пятом. Чердак – это самая высокая палуба. Там и правда, как на чердаке, мало света, узко, низко, неудобно. И ко всему этому теперь там лежат в большом количестве картонные коробки, полные чёрного хлеба и нарезного батона в плотных пластиковых запаянных пакетах. Если достать хлеб из этого пакета, то вкус у него будет отвратный – со отчётливой спиртовой горечью. Не знаю, как с ним это всё делают, но зато он долго лежит, а когда из него выпарят спирт, то как будто только из печки достали. Аж в животе заурчало.

А вот ништяками мы называем всё то, что берём с собой из еды. Некоторые называют это скоропортом. Что относится к ништякам? Сало, колбаса, сыр, всевозможные сладости. Всё мясное убираем в трюм. Там каждый находит и освобождает ящик из-под запасных частей, тщательно складывает все свои съестные припасы. Ящики стараемся выбирать те, до которых трудно добраться, чтобы не было ни у кого вопросов, и чтобы были поближе к борту, потому что там прохладнее. Сладкое можно убрать в сейф, если он есть. У меня есть – достаточно объёмный, чтобы вместить в себя несколько килограммов мармелада, несколько килограммов шоколадных конфет, несколько десятков плиток шоколада, десяток расфасованного печенья, несколько пачек чая. Этот запас мне придётся дозированно выбирать, чтобы хватило на весь поход, а то под конец будет грустно без сладкого. Я взял ещё целый ящик паштета, сыра и сала – я не хожу на обед на камбуз, вместо этого буду заваривать овсяную кашу из пакетиков, которую положил в ящик с паштетами, и есть её вместе с бутербродами. На обед на камбузе не особо вкусно.

Не во всех экипажах занимаются таким затариванием дополнительной провизией, всё зависит от интенданта и коков, насколько они хорошо умеют готовить. Наша служба снабжения может нормально приготовить только ужин и только чай утром и вечерний чай, руки у них не из правильного места растут. Поэтому приходится брать еду с собой.

На прошлую боевую службу даже казус случился. К нам в ракетную боевую часть за неделю до выхода в море прикомандировали техника-гидравлиста, а он служил в экипаже, где коки готовили, как в лучших домах Лондона и Парижа. Наступил день выхода. Дима, который служит тоже техником, приволок с собой целый чемодан на колёсиках с ништяками.

– Тебе зачем чемодан? – прикомандированного техника звали Юрий, но все его звали Маркусыч, по отчеству.

– Так там ништяки на автономку, – Дима даже не повернулся, стал сразу разбирать его.

– У вас что коки не готовят? – Маркусыч как-то нервно улыбнулся.

– Готовят, но плохо.

В том походе Маркусыч убедился в этом.

Брали с собой все и всё, что могли, всё, что хотели, всё, что напомним лишний раз о берегу, потому что такой еды на борту не будет. И не важны были при этом воинские звания.

В этих стальных стенах грани между рангами стираются, становятся тоньше. Все находятся на равном удалении от смерти, от каждого зависит жизнь другого. Поэтому не мелькают в обращениях звания, только имя с отчеством, а где-то мелькает и только имя, несмотря на более высокий ранг. Как вода сглаживает углы скал спустя многие годы, так и в лодке подводной сглаживаются углы звёзд и отличий, только времени нужно намного меньше.

День первый наполнен неказистыми фразами, неуместными воспоминаниями, ожиданием чего-то продолжительного впереди. Мы все одно целое – чёрный горбатый дельфин, который глубоко вдохнул и нырнул в глубину, не спеша поплыл на север – кто-то скажет, что пошёл – рассекая ледяную толщу воды своим огромным туловищем. И никто на берегу не знает, где этот дельфин сейчас, куда он направляется, где окажется через несколько дней, несколько недель, через месяц или два. Чёрный горбатый дельфин затерялся, чтобы быть на страже.

День 2

Как же непривычно входить в новый распорядок дня, когда на вахту нужно просыпаться в 3 часа ночи, умываться, идти на вечерний чай, потом идти на развод смены, который начинается в 3:40, потом в 4:00 заступать на вахту. Потом сменяться в 8 утра, идти на завтрак, после которого можно лечь поспать до 10:30, а потом в 11:00 идти обедать. И в 12:30 начнётся рабочий день.

В первую ночь тяжело просыпаться в 3 часа ночи. В глазах песок насыпан, целая фура песка. Сажу на втором ярусе и соскользнуть с него не могу. В каюте темно, а точнее сумерки – лампочка над умывальником тускло пробивается через задёрнутую штору. Свет от неё старается пробить плотную ткань, но не может, не хватает сил, а ему так хочется наружу, осветить всех нас шестерых, мирно спящих на своих койках, повернувшись боком-спиной-животом-боком. Первые несколько дней так и будут начинаться – со скрипом, нежеланием, тяжестью в веках и на плечах. И глаза не хочется открывать, и ноги неохота на стальную палубу спускать. Надо. Холод проскочил по всему телу от пяток до ресниц, которые вздрогнули. В сумерках нащупал своё рабочее платье, влез в него – нога упрямо не хотела залезать в левую штанину, которая перекрутилась, заставив меня понервничать – открыл дверь каюты, навстречу кинулся меня обнимать дневной свет отсека. И гудящая приборами тишина.

Я помню, как курсантом первый раз приехал на практику на Северный флот. Нас везли от вокзала в Мурманске на камазах с кунгами. Дорога хорошо запомнилась – водители грузовиков соревновались между собой на этих узких трассах, петляющих между сопок, подбирающихся осторожно к заливу, поворачивающих над обрывами, скрывающимися в сотнях поворотов. Нам было немного страшно, потому что постоянно казалось, что мы перевернёмся, вылетим в залив или кювет, наши тела раскидает по мёрзлой заполярной земле. Но никого и ничего не раскидало, мы благополучно добрались до Гаджиево. За окном давно было темно – зима, полярная ночь, кругом всё в снегу. Мы въехали на территорию базы. Я даже не сразу понял, что это такое – огромные чёрные силуэты, практически сливающиеся с окружающей темнотой. Они были похожи на тени от домов – такие же огромные, притаившиеся. Только на третьей тени я понял, что это подводные лодки, покоящиеся у причалов. Внутри было волнительно. Утром я смогу их увидеть на свету, если они не исчезнут, как любая тень, с которой я их перепутал. Мне они казались такими огромными, что рядом с ними находиться невозможно, сразу придавит, не физически, так морально. На свету они были тоже гигантскими, похожими на китов, которые вынырнули, чтобы глотнуть воздуха и снова погрузиться. И тогда я подумал, что рано или поздно моя дальнейшая жизнь будет с ними связана однозначно.

Я сидел и пил чай в столовой. Фоном что-то включили вестовые на телевизоре. Песок немного раскидало прочь от меня, но добрая его часть застряла в глазах. Вокруг только гудение вентиляции, даже с камбуза никаких звуков не доносится. Над нами сейчас тонны ледяной воды, над этой водой светит полярное солнце, или небо затянуто серым покрывалом, или идёт дождь, или мокрый снег. И даже снег может быть. И где-то под поверхностью моря мы пересекаем толщу неприветливой солёной воды обрезиненным корпусом, внутри которого спим, едим, бегаем, играем в войнушку. Внутри которого мы ждём приказа, доедая сушку с варёной сгущёнкой под чай с лимоном. Не проникает к нам ничего – ни солнце, ни крики чаек, ни ветер, ни сигнал сотовой связи. Отделяет нас от миллиардов тонн воды только лёгкий и прочный корпус, да обшивка. Положишь руку на корпус, а там холодно, почти можно ощутить, как кусает море за руку сквозь сталь.

Развод на вахту в первые дни всегда проходит согласно всем инструкциям и правилам, всех опрашивают, зачитывают аварии, произошедшие в разное время на разных флотах. Подводники всегда уделяли много времени борьбе за живучесть, потому что все находятся в рав-

ных условиях перед лицом смерти. Ладно, не так мрачно, но перед лицом аварии точно. И нельзя мешкать – огонь распространяется в считанные минуты в замкнутом пространстве отсека, забортная вода рвётся через пробоину тоннами, ракетное топливо выедаёт всё живое. И каждый день мы будем отрабатывать возможные варианты развития аварий, чтобы быть готовыми. Тьфу-тьфу-тьфу. И по голове, она же деревянная. Потом разбор действий всего личного состава отсека, кто и что не сделал, не успел, помедлил. Время в прочном корпусе играет против нас. Всегда против нас. Каждый из нас знает, какие действия за какими следуют, что нужно принести-унести-надеть-включить-выключить. И хорошо, что знают только в теории, дело до практики не дошло.

Двадцать минут развода смены на вахту длятся невероятно долго. Песок спрятался в уголках глаз, никак его не вымести, никак не выдуть. Боевой пост находится в выгородке – это пространство, отгороженное от общего объёма отсека, закрытое дверью, наполненное оборудованием. В моей выгородке шумят вентиляторы охлаждения стоек питания для трёхступенных гироскопов, которые покоятся на стальных постаменты, тихонько жужжа. Мало что понятно? Не переживайте, все эти механизмы нас не затронут, они тихонько будут лежать реквизитом на втором или дальнем плане. Среди этого жужжания сижу я, с песком в глазах, с непонимающим телом, ручкой, занесённой над журналом, приготовившейся стремительно броситься вниз, на бумагу, оставить свой след. В этом журнале по почерку можно будет прочесть настроение каждого дня, каждого из нас троих. Если бы кто-то умел читать почерк. Бумага неслышно скрипит под шариковой ручкой синего цвета, вентиляторы перемешивают воздух, гасят лёгкие шумы, доминируют над тишиной.

Я не даром взял с собой электронные версии книг, именно здесь будет прочитана их большая часть. Вся моя вахта заключается в том, чтобы стойки исправно жужжали, гироскопы исправно вращались, красный свет на пульте не загорался. И чтобы всё было исправно необязательно вперивать свой взгляд в работающие механизмы, достаточно лишь периодически контролировать, раза за вахту достаточно. Нужно внимательно слушать, потому что, если происходит сбой, сразу слышно изменение в жужжании. Мои уши натренированы слышать это изменение. Могу себе позволить читать в то время, когда жужжание монотонно и не вызывает подозрений.

Люди не механизмы, не роботы, они наделены неподвластными для неодушевлённых предметов эмоциями. Какими бы по характеру люди не были разные, у всех есть эмоции разных степеней проявления. Как это относится к вахте? А так, что бдительность – понятие относительное. Поэтому всегда, на всех видах суточных дежурств люди будут спать – они не роботы. Если пройтись по кораблю в ночное время, то бодрствовать будут только вахтенные отсеков, да центральный пост, остальные посты плюс-минус, в зависимости от усталости человеческих организмов-механизмов. Естественный процесс.

Ручка оставляет синие следы, словно она ранена и пытается куда-то доползти. Мне нравится от руки заполнять журнал, чувствую каждую букву, каждое слово. Они все повторяются и нет каких-то уникальных записей в этом журнале. Раненая ручка доползла до правого поля, её след замер в ровных очертаниях слов и предложения: «В работе 3,4 канал СКДО. Замечаний нет». Таких предложений будет огромное количество на все эти 96 листов формата А4. И эти слова ничего не значат вне этого журнала, вне этого прочного корпуса, они бесполезны для вас, читающих эти строки, для всех, кто не находится в этой выгородке с жужжанием вентиляторов и шёпотом гироскопов. Эти слова понятны только мне и только здесь и сейчас.

Первые дни никогда не бывают самыми яркими, потому что мы привыкаем к замкнутому пространству, людям и однообразному расписанию. Эти дни останутся в кильватерном следе, как, впрочем, и все дни остаются за кормой. Внутри нас штиль. Мы никуда не торопимся, паруса наших разумов скручены на мачтах, ждут своего часа. Или не ждут.

– Саня! – сквозь жужжание пробился голос за дверью выгородки.

– Да, – я ответил и следом открыл дверь, в проёме которой стоял вахтенный отсека, тот самый Дима.

– Постой на связи, я дойду до курилки, – я вышел навстречу этим словам.

– Иди, потом я тоже схожу, – дверь моей выгородки тяжело закрылась сзади, Дима уже показал свою спину возле переборочной двери.

На подводной лодке должна соблюдаться акустическая культура – это означает, что нельзя хлопать дверьми, нельзя ничем стучать, бить, колотить, разбивать. Поэтому все двери аккуратно прикрываются за собой, чтобы был слышен только лёгкий щелчок замка.

Впереди больше 70 суток. Никто из нас не знает, что это будут за дни, как мы будем себя в них вести. Сейчас только начало нашего похода. Я спустился на нижнюю палубу, где находится пульт, за которым несут вахту офицеры. Командир группы спал, откинул голову назад, на подголовник. Я же говорил, что люди не механизмы, и погоны не роботизируют. Все мы люди. Над пультом висит самодельный календарь в виде небольшой подводной лодки, которая движется по прошедшим дням, нарисованным на длинном склеенном узком плотном листе, она в самом начале, на старте, она не спешит, впереди долгий путь, нужно сохранить свои силы.

Нужно сохранить свои силы.

Щёлкнула закрытая переборочная дверь, задрала кремальера – всё это на средней палубе, над головой.

– Саня! – прозвучал голос вернувшегося Димы.

Я молча поднялся к нему.

– Спасибо, – он стоял возле связи с центральным постом.

– ...ть третий! – тихо выкатился звук из динамика, будто случайно выпал, споткнулся.

– Четвёртый отсек осмотрен, замечаний нет! – Дима даже телом вытянулся, напрягся, будто вахтенный офицер был перед ним.

– Есть чет...

Эти полтора слова будто эхом прокатывались по всему кораблю с носа до кормы, вынуждая вахтенных выпрямляться, прогонять сон, настораживаться и бить в ответ одними и теми же словами: «Отсек осмотрен. Замечаний нет-нет-нет-нет-нет». И лампочки мигают и тухнут. На подводной лодке всё вокруг в каких-то аббревиатурах, сокращениях, непонятных буквах. Точнее, они понятны подводникам, а вот людям непосвящённым трудно воспринимать что-то подобное. Например, табло, где лампочки тухнут и загораются – это система осмотра отсеков, чтобы вахтенные фактически проходили и осматривали отсек. Название этой системы немного странное – КИСГО, что означает... Что означает, то означает, какая разница? И называем мы осмотры отсеков – обжать кисги – а не осмотр отсека. На проектах подводных лодок, построенных раньше, были такие самодельные картонные часы с нарисованными получасовыми отрезками времени, вахтенные должны были самостоятельно переводить стрелки при осмотре отсеков. Но человеческая лень брала вверх, поэтому просто переводили это время в самом конце вахты, что означало, что всё время вахты отсек не осматривался, только если кто-то из начальства не проверит. А на нашем проекте кисги – это, грубо говоря, кнопки на каждой палубе, в носу и корме, которые нужно нажать физически, чтобы в центральном посту увидели сигнализацию, означающую бодрствование вахтенного в отсеке.

Вслед прозвучавшим по отсекам словам из уст вахтенных, я пошёл в жилой отсек, где располагались каюты, кают-компания, столовая, камбуз, душевые и курилка в трюме. Она представляла из себя закрытое помещение, вмещавшее в себя четырёх человек – троих в ряд на скамейке и одно место в небольшом аппендиксе напротив. Ночью здесь мало людей, мало дыма, только гудящая вентиляция, забирающая воздух, прогоняющая его через фильтры, очищая от вредных примесей палладиевым порошком. Это место, где обсуждаются корабельные новости,

где люди бегут из своих отсеков, торопясь поджечь сигарету, загнать в лёгкие дым. А вокруг тонны ледяной воды.

Распорядок дня в море, а особенно на боевой службе, очень сильно отличается от распорядка дня на берегу. В базе мы ходим на службу, как на работу. Ночуем дома, потом идём на построение для подъёма флага к 07:30, сам подъём флага происходит в 08:00, потом начинаются всякого рода мероприятия, учения, обучения, тревоги, хождения в штабы, тренировочные комплексы – в общем и целом много чего, всего не перечислить, а некоторое даже перечислять нельзя. Обед начинается в 13:00, весь личный состав экипажа, кроме вахты, может пойти домой на обед. Я не хожу, потому что живу в другом посёлке, а туда ездить только ради обеда – время терять. Я обедаю на борту, еда в контейнерах, заботливо уложенная туда женой. Потом у меня остаётся время на адмиральский час, потому что построение после обеда экипажа в 14:30. После обеда и до 18:00 опять занимаемся разного рода мероприятиями, потом доклад командиров подразделений у командира корабля, а после 18:00 сход экипажа с корабля домой.

Это идеальная картина, которую я никогда не видел в своей жизни военнослужащего.

На вахту я заступаю на сутки через двое. Расскажу на примере. В понедельник мне нужно заступать на вахту, я прихожу на службу утром, как обычно. Заступаю в понедельник на вахту, поэтому остаюсь на ночь на корабле, что естественно. Во вторник я только сменяюсь и в 18:00 сойду со всем экипажем домой. В среду к 07:30 приду на службу, а после 18:00 сойду домой. В четверг мне снова заступать на вахту, прихожу к 07:30 на службу, остаюсь на ночь на корабле. В пятницу сойду вместе со всем экипажем домой. В субботу на половину дня мы все придём на ПХД – парко-хозяйственный день – в 13:00 уйдём по домам. В воскресенье снова заступать на вахту, но приду в выходной к 15:00 на корабль. Домой сойду с экипажем после 18:00 в понедельник. Круг замкнулся. И так далее по расписанию.

Но ещё раз скажу, что это идеальная картина, потому что никто из экипажа не уходит ровно в 18:00. У нас настолько много задач, что в обычные дни мы сходим домой после 19:00. А если у нас проверки? Которые бывают очень часто, особенно перед всякими серьёзными мероприятиями? Тогда мы можем прийти на службу часам к 07:00, уйти часов так после 21:00. Никаких компенсаций и переработок не существует, потому что в нашем контракте прописан ненормированный рабочий день.

В итоге, дома мы бываем крайне редко, мы семью видим крайне редко, семья также видит нас крайне редко. Приходим домой, когда дети спят, жена еле дождалась возвращения или тоже спит, а уходим, когда все ещё спят. Стальные стены подводной лодки – наш дом родной.

А вот в автономке всё чётко по расписанию.

В автономке всем всё известно – деление на 3 боевые смены, недельное меню на камбузе, расписание по столам, кто с кем сидит и в какой смене, расписание на неделю всех мероприятий, которые проводятся в рабочие часы, в субботу большая приборка и банный день, в воскресенье выходной. Всё чётко, никаких задержек, переработок, никакого ненормированного рабочего дня. Можно даже сказать, что мы отдыхаем от службы на берегу, уйдя на боевую службу.

За бортом одобрительно молчит глубина, подслушивая нашу жизнь подводника в стальных стенах. Глубина не следит за нами на берегу, только дожидается, когда мы к ней вернёмся. Глубина чем-то похожа на молчаливую любовницу, ожидающую прихода любовника.

Это только начало.

День 7

Нас в пятом отсеке всего 8 человек. И 8 тех самых огромных шахт, которые мне напоминают стволы тысячелетних тополей. Чаще, чем кого-либо ещё, мы видим друг друга – на учениях, на тревогах, на приборках. Нас, ракетчиков, называют китайцами. Почему? Потому что это самая большая боевая часть. Хотя это спорный момент, но время делает своё дело, закрепляя в умах и памяти людей события зачастую в искажённом виде. В отсеке 8 ракетчиков, если быть точным, то ещё плюс 2 человека – это электрик и трюмный из другой боевой части. Мы встречаемся каждый день с 12:30 до 15:30. Помогаем друг другу не забыть, как нам действовать в сложных и аварийных ситуациях, чтобы выжить. Каждый на этом корабле помогает друг другу выжить.

И одновременно с этим, чёрный горбатый дельфин несёт в своём чреве межконтинентальные баллистические ракеты, которые таят в себе далеко не мирный атом. Этот атом стал фактором сдерживания, чтобы человечество не порубило друг друга и планету на куски. Атом, используемый для того, чтобы мы все не стали атомами, радиоактивной пылью.

Человечество всё своё время существования играет в войны, придумывает конфликты, чтобы пролить кровь врагов, противников, предателей. Когда человек растёт, начиная с детских лет, он дубасит подобных себе, выколачивает из других признания своей неправоты. Для чего? Ни для чего, просто по-другому мы не можем, просто природа нас создала такими – стремящимися к разрушению, к созиданию через разрушение. Всё через разрушение. Вопрос только в том, как именно интерпретируются наши действия.

Мы находимся в защите, мы являем собой невидимый щит, покрывающий невидимым покрывалом нашу страну. Мы бдим и ждём, когда противник сделает первый ход. И только после мы. Полторы сотни человек держат палец на спусковом крючке, только вот в обойме пятнадцатиметровые карандаши, таящие в себе заряды огромной мощности. Я надеюсь, что не увижу того времени, когда этот спусковой крючок выполнит своё боевое предназначение. Я надеюсь, что люди стали умнее, что массовые кровопролития остались в сороковых годах прошлого столетия. Я никому не рассказываю своих мыслей, потому что они крамольны. И лучше эти мысли спрятать далеко-далеко в чулане моего мозга, спрятать под половицы, залить бетоном, никогда их не вытаскивать наружу. Точка.

Официально на корабле можно мыться только один раз в неделю. Каково это? Это невыполнимо. У нас в отсеке есть выход. В трюме проходит магистраль обмыва трюма, по которой идёт горячая вода, когда запитываются нагреватели в жилом отсеке. Нагреватели воды запитывают тогда, когда на камбузе готовят еду. То есть после 19:00 есть возможность воспользоваться горячей водой в трюме. Это весьма неудобная процедура, потому что надо согнуться в три погибели, чтобы встать между клапанами и кингстонами, поливая себя сверху горячей водой.

Сегодня наш трюмный решил помыться. В трюме так же находятся приборы штурманской боевой части, и сегодня командир штурманской боевой части решил проверить эти приборы. Трюмного зовут Женя, а в отсеке его частенько называют Псом, потому что он постоянно, когда разговаривает, неожиданно и резко откашливается. Почему Пёс? Никакой логики, просто в моменте привязалось. И сегодня Пёс скрючился в чём мать родила в трюме, намылил себя с ног до головы и поливал горячей водой из шланга. Если спуститься в трюм, то сразу невозможно увидеть того, кто моется. Вот и штурман не увидел, он искал приборы, медленно пробираясь между шахт, по очереди заглядывая за каждую. И наступил тот момент, когда он заглянул за ту шахту, где мылся Пёс. Никто из них двоих не был готов увидеть друг друга. Пёс вскрикнул, штурман отшатнулся, каждому надо было довести до конца начатое дело.

– Где штурманские глубиномеры? – штурман старался держать себя в руках.

– Они за пятнадцатой шахтой, в корме, – Пёс стоял весь в белой пене и льющей вниз водой из шланга.

– Спасибо, – штурман развернулся и ушёл в обратную сторону.

Каждый из них выполнил задачу. Только командир отсека узнал о том, что Пёс мылся в трюме, потому что они со штурманом хорошо знали друг друга. В подводной лодке есть место тому факту, что на некоторые инструкции и приказы закрываются глаза, иначе людям в закрытом пространстве невозможно было бы находиться долгое время друг с другом. Зато эта история повеселила многих.

В начале своей службы я тоже спускался в трюм, чтобы не ждать очередной субботы и банного дня. Но с годами нарастали отношения с сослуживцами в других отсеках, поэтому ходил в душевую. Ключи от душевой были у старшины отсека, все его звали Иванычем – это был старший мичман два метра ростом, еле помещавшийся в узких проходах подводной лодки, прослуживший больше двадцати лет, уважавший опыт и ум. И шоколадные конфеты. Поэтому в 2:30 я мог прийти к нему, поговорить о жизни, положить несколько шоколадных конфет, которых с запасом взял с собой, а потом взять ключи от душевой и помыться вне общекорабельного графика. Этот великан не был добродушным, многие не любили с ним связываться из-за скверного характера и внушительных кулаков, одним из которых он мог запросто оторвать от палубы.

– Мы в восьмидесятых ходили в автономку, не помню, какую именно по счёту, – Иваныч рассказывал мне очередную историю. – И решили сделать баню в душевой. Порог там высокий, сливы заткнули ветошью, задраили дверь. Горячей водой долго наполняли этот объём. У кого-то даже пиво оказалось, которое в холодильник перед этим положили, – его лицо отражало внутреннее состояние погружения в тёплые воспоминания. – Воды было на полметра от палубы, мы задраили дверь, втроём легли в эту баню. Мммм, как же тогда хорошо посидели! – его взгляд был там же, в далёких восьмидесятых, в той бане, с пивом и задраенной дверью, с ощущением кафельной палубы под собой. – Потом механик пришёл. У него был ключ от душевой, он как почувствовал. Разнёс нас, молодняк, на куски, но командиру не сдал, – Иваныч вернулся в настоящее, договаривая историю и жуя конфету. – Ладно, иди, только за собой палубу подсуши.

– Угу, – бросил я ему в ответ, разворачиваясь.

Я всегда приходил в 2:30, каждый вторник и четверг, а в субботу уже по расписанию. Ночная душевая почти всегда пустовала, ждала случайных и неслучайных гостей. Трудно было ночью поймать нужную температуру – то нагреватели не включены, то кипятик на голову льётся. Мне всегда нужно было немного времени и воды, минут на 5–7, чтобы быстро намылить всего себя, так же быстро смыть пену, вытереть себя и палубу, уничтожить признаки своего пребывания здесь, незаметно покинуть душевую. Механик не любил, когда в душевой, да ещё вне графика, да ещё и люксы. Кто такие люксы? На подводной лодке всего 2 типа специальности – механики и люксы. Механики – это турбинисты, трюмные, электрики, словом, те, кто причастен к процессу физического движения подводной лодки и её внутренней работе. Люксы – это штурмана, связисты, минёры, акустики, ракетчики, то есть те, кто показывает, куда нужно двигаться кораблю. Хотя к оружейным боевым частям не совсем справедливо относиться такое деление, потому что у нас много механизмов, которые связаны с механической работой. В общем, специфическое разделение на специальности. Но самое главное – механик люксов не любил, потому в его понимании они были пассажирами на лайнере. Я никогда ему не попадался в эти ночные часы, что меня определённо радовало. И Иваныча это тоже радовало, потому что ему не приходилось объясняться.

После душа я шёл на вечерний чай, который начинался в 3 часа ночи, пил чай с лимоном, ел сушки со стущёнкой. И потом шёл в курилку перед разводом. Курилка – это место, где собираются истории, сальные разговорчики, обсуждения происходящих событий или дней

минувших. В ночные часы там мало народу, сегодня там было два человека – связисты Коля и Дима.

– Ты помнишь Диму Скорского? – они что-то рассказывали друг другу, а я вошёл в этот рассказ.

– Нет, – я закурил, ответив Коле.

– Он тоже служил на Бориске, – это был первый корабль, на который я пришёл служить в Гаджиево вместе с Колей, назывался «Борисоглебск», все подводные лодки нашего проекта носили названия городов. – Был командиром группы у меня, капитан-лейтенант.

– А, точно, – я вспомнил этого офицера.

– Он же уволился, когда расформировали экипаж и распихали остатки состава по другим экипажам, – Коля достал вторую сигарету, хотя может и не вторую за этот заход. – Они с женой открыли магазин детской одежды в Снежногорске, – это городок рядом с Гаджиево, в котором в основном жили те, кто работал на судоремонтном заводе «Нерпа», и я там тоже жил. – Хорошо устроился после военной службы, не напрягаясь. Так бы жил и жил.

– С ним что-то случилось? – я не совсем понимал.

– Ты не слышал? – впервые вступил в рассказ Дима.

– Соответственно нет, раз задал вопрос.

– Он разбился, – Дима уже не курил, но не торопился уходить.

– Не совсем так, – Коля шурился от дыма. – Они поссорились с женой, он пошёл в гараж пить. С кем-то они гудели до утра, потом он поехал в Снежногорск на своей машине. Когда возвращался, на подъезде к Гаджиево, в поворот не вошёл и вылетел в озеро. Он был настолько пьян, что не смог открыть дверь, все двери были заблокированы. И утонул. Жена осталась с двумя детьми.

– Вот тебе и хорошая машина, – Дима тоже шурился от дыма.

– Много военных погибает в мирное время, – это были слова, звучавшие после объявления на построении о каком-то очередном несчастном случае.

– Он же уже не был военным, – мне было его жалко, потому что смерть глупая и бестолковая случилась.

– За неделю до нашего выхода произошло, – мы с Колей одновременно докурили и затёрли окурки в чёрной металлической пепельнице.

С нами служил старший мичман, который пришёл на военную службу в Гаджиево в начале девяностых. Руслан. Он рассказывал, что в этом маленьком закрытом городе под названием Гаджиево, с населением около 12 тысяч человек, можно было встретить всю палитру человеческих пороков. На этой покрытой скалами и мхом небольшой территории творились такие вещи, от которых дыбом вставали волосы у людей из больших городов. Странно даже как-то, и слабо верится. Так всегда воспринимается неприглядная правда человеческой жизни. Чего стоит рассказ о старшине роты, который детей сажал на героин. Ну её, эту историю.

День 10

Обычно перед ужином по кораблю зачитывают новости, которые принимают снаружи по каналу связи. В этом походе новостей не было уже десятый день, радио молчало, никто не говорил почему. Было ощущение полной изоляции от внешнего мира. Мобильный телефон молчал, находясь в режиме «Полёт». Наш полёт проходил на глубине 150 метров, но даже сюда не проникали радиоволны. Как бы хотелось получить хотя бы одно сообщение, коротенькое, что-то вроде: «Привет. Ну как ты?» Даже такие простые слова могли согреть, донести частичку домашнего уюта. Знать, что тебя ждут. Мы все знали, что нас ждут, но подтверждение мыслей хотелось ощутить физически.

Жёны передали подарки ко дням рождения тех, кто встретит их в походе. Эти подарки и были той самой частичкой тепла. Но не для всех. И не для меня, потому что день рождения зимой, а сейчас лето. Хотя вы и так помните, что сейчас лето, над нами постоянно светит солнце, купаясь в холодных волнах, безуспешно нагревая их, безуспешно ища нас где-то в ледяной толще. Знаете, как можно обнаружить подводную лодку? Реактор охлаждается забортной водой, поэтому за подводной лодкой остаётся тёплый след, который можно увидеть. Нас можно отследить по этому теплу, которое остаётся за кормой. Тепло наших жизней. Бред какой-то.

Подводная лодка похожа на огромную консервную банку, а мы на шпроты, которые закатали в эту банку. Хотя нет, не на шпроты – на селёдку, которую засолили. Когда банку вскроют, мы будем такими же – лежать друг к другу ровно бочком, впитывать соль. Мы будем просолены насквозь, нас невозможно будет есть, потому что слишком долго будем томиться в этой консервной банке. Мы будем такими же, как и были тогда, на берегу, когда обнимали родных, когда давали им какие-то надежды и обещания. Поскорее бы стать этой просоленной селёдкой.

После ужина я ложусь на верхнюю койку в каюте, задёргиваю шторы, включая прикроватное освещение, беру книгу и читаю. Лежу этой самой селёдкой, мариную себя и свои мысли тайком и одновременно на виду. Слышу, как мимо каюты ходят из отсека в отсек сослуживцы – кто-то в курилку, кто-то на вахту, кто-то осматривает отсек. Все делают свои дела на автомате, привыкли уже к замкнутому кругу из дней, бегают, как белки в колесе. Не бегают, а ходят, смирившись, ожидая, или не ожидая. Что-то, кто-то, как-то. Всё в междометиях и предложениях изляпано, как обеденный стол к концу приёма пищи. И пока никто не смахивает эти пятна и крошки, ждут, когда они впитаются в день уходящий. А ведь это только начало. Всего лишь одна седьмая срока нашей засолки.

После этой автономки мы уходим в отпуск. По этому праздничному случаю экипаж должен заполнить журнал, кто и куда собирается ехать. Я хочу на Камчатку. Увидеть почти такие же сопки, Тихий океан, гейзеры. Побывать за тысячи километров от дома, ощутить другую часть страны. Что скажет жена? Это неизвестная величина. Надеюсь, что согласится, потому что невыносимо хочется там побывать. Пишу в этом журнале заветные слова, тщательно выводя шариковой ручкой название ещё неизвестного мне города. Всеми мыслями погружаюсь в этот пока далёкий отпуск. Мои мысли уносят меня прочь из толщи воды, куда-то вверх, над облаками, как запущенную с нашего корабля ракету. Я лечу в космос, теряя горячее и пустые ступени, стремлюсь наверх, не зная, что меня ожидает.

Отпуск будет длиться долгих 80 с какими-то копейками суток, я даже скорее всего устану отдыхать, но сейчас нет этой усталости. Буду лететь на самолёте – долго-долго, устану сидеть, буду постоянно переворачиваться на месте, не буду знать, куда себя деть. Когда долечу, под ногами уже будет Дальний Восток, другая земля, другой воздух. Будем и мы там другими. Рядом с нами будут другие. Всё будет другое. Скорее бы. И этот журнал для меня, как машина

времени – рука не торопится дописать слова, не торопится передать этот журнал, а ведь его все ждут, все хотят написать, все хотят представить себе отпуск.

– Саня, – кто-то зашёл в каюту и позвал меня, вырвав из потока мыслей. – Спишь?

Как же мне хочется ничего не отвечать, спать, никого не видеть. Только вот свет прикроватный выдаёт.

– Что случилось? – я выглянул из-за шторки.

– Тебя опер спрашивает, выйди, – дверь закрылась.

Что ему нужно? Да чтоб меня! Я же забыл! Вскрываю с койки, на холодную палубу, быстро запрыгиваю в рабочее платье. Дверь каюты снова открывается, опер на пороге.

– Малетов? – его голос какой-то уставший.

– Да, – я уже понимаю, что произойдёт дальше.

– Почему документы в секретку не сдали? – он продолжает стоять на пороге.

– Я на вахту заступаю во вторую смену, хотел готовиться к сдаче зачёта, – неубедительное объяснение.

Знаете, что произошло? Я взял секретную литературу. И в конце рабочего дня не сдал её, хотя это положено. Почему не сдал? Реально хочу изучить. Ученье – свет в конце торпедного аппарата. Вот так и учишься, приобретаешь новые знания. Перед вахтой не смог бы взять эту литературу, пришлось договариваться с секретчиком, чтобы она осталась у меня. Так не положено. Теперь нарушение режима секретности. Ищут врагов народа, ФСБ не дремлет.

– Вы нарушаете режим, – я подошёл к нему, глаза у него красные, то ли не спал, то ли ещё почему. – Пишите объяснительную и сдавайте литературу.

Отпуск рассыпается на мелкие осколки, катится куда-то прочь от меня, далеко и безвозвратно. Сейчас ещё комбату доложат, потом командиру. Хотел быть умнее, теперь появится выговор в служебной карточке. И никаких поблажек. Достая папку из секретера, несу её в соседний отсек. У секретчика тоже красные глаза. То ли он не спал, то ли спал и разбудили, то ли ещё что-то.

– Приспичило ему сегодня, – восхищения у него эта ситуация тоже не вызывает.

– Как всегда, – я понимаю, что Лёхе тоже попадёт. Хотя на его должности невозможно иметь чистую служебную карточку, не испачканную выговорами.

Возвращаюсь в отсек. Опер так и стоит. Рядом с ним комбат. Он улыбается.

– Нарушаешь, Сан Саныч? – голос комбата прокурен насквозь.

– Сергей Васильевич, умным быть хочу, – ловлю боковым зрением отсутствие хоть каких-то эмоций у опера.

– Так и напишешь, – он уходит в тот отсек, из которого я пришёл, опер за ним.

Так и напишу: «Не сдал секретную литературу по причине личной недисциплинированности и желания стать высококлассным специалистом. Впредь обязуюсь такого не повторять». Подпись, дата, на имя командира корабля. Кстати, заметили, что пишу «корабль» и «подводная лодка»? Это одно и то же для меня, для нас. И для вас должно быть одним и тем же. Синонимами. Ещё иногда называем «корыто». И все эти слова применимы к этой огромной консервной банке. С большим уважением, без сарказма, без презрения.

Теперь можно с чувством выполненного долга и новенькой записью в графе «Взыскания» ложиться спать, потому что скоро уже вставать, нужно отдохнуть. Впереди ещё огромное количество дней, которые будут похожи друг на друга, как мыльные пузыри. Потом эти пузыри будут лопаться, оставляя переливающиеся на свету следы в памяти. Что ж, пусть так.

День 13

«Лодка диким давлением сжата» – это первая строчка песни про усталую подлодку, композитором которой является известная Пахмутова. Некоторые люди, не сильно знакомые в принципе с подводным флотом, говорят «подводка», что у меня вызывает мгновенную ассоциацию с женской косметикой. Непонятно, почему я это вспомнил.

Наше тело в среднем состоит на 60 % из воды, благодаря чему может выдержать любое давление окружающей среды. Но мы не при любом давлении сможем жить, потому что дышать же чем-то нужно и в определённой концентрации. Было многих всяких разных опытов, в которых люди подвергались повышению давления воздуха, никто не умер и не расплющился, только перепонки барабанные могут лопнуть, но у подводников это даже не травма, а просто досадная особенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.